

СЛОВО

О распространеніи и успѣхахъ Наукъ въ разныхъ періодахъ

ВЪ ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ
ТЕЗОИМЕНИТСТВА
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАГО, ДЕРЖАВНѢЙШАГО
ГОСУДАРЯ,
ИМПЕРАТОРА
И
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО
ПАВЛА ПЕРВАГО,

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
произнесенное
На Французскомъ языкѣ
К. АВІАТОМЪ де ВАТАЙ,
Онаго Университета Экстраординарнымъ Профессоромъ.

На Россійской языкъ переведенное
Андреемъ Тургеневымъ.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
У Хр. Ридигера и Хр. Клаудія.
1798.

Настоящее торжество, собравшее насъ, ПП. СС. оживляетъ въ сердцахъ нашихъ чувства къ Государю, владычествующему надъ нами, коего Монаршее покровительство содержитъ сїе училище; настоящее торжество возбуждаетъ, поощряетъ и одушевляетъ насъ къ новымъ трудамъ. Естьли Небо услышитъ наши обѣты, то безъ сомнѣнїя тысячи благословенїй изліются на ПАВЛА; благоденствїе и слава Его будутъ возрастать болѣе и болѣе; въ добродѣтеляхъ Августѣйшей Супруги Своей, въ любви Дѣтей, въ ревности подданныхъ найдетъ Онъ все, что можетъ услаждать утомляющїя попеченїя о трудномъ правленїи царства обширнаго; найдетъ въ наукахъ отдохновенїе, сродное великому человѣку, коего душа всегда въ дѣйствїи безпрестанно изливается, безпрестанно питаетъ себя и наполняетъ — почерпаетъ въ самой себѣ источникъ силы, величїя, славныхъ предпрїятїй и чистѣйшихъ удовольствїй.

Сїе-то чудное свойство изящныхъ душъ есть предметъ настоящаго моего слова — науки, которыя суть слава, величество Имперїй, и связь обществъ — науки для всѣхъ равно безцѣнныя, для Государя, и для подданнаго, для человѣка отправляющаго должность Государственную и для человѣка частнаго — сїя необходимая и важная потребность великихъ и рѣдкихъ душъ, которыя были бы подобны стремительнымъ и все опустошающимъ рѣкамъ, естьли бы ихъ сила не была сгнѣтаема безпрестаннымъ упражненїемъ въ предметахъ ихъ достойныхъ, или удерживаема трудностями и прїятностїю открытїй, или ослабляема безпрерывными умственными удовольствїями.

Я представлю вамъ вкратцѣ, ПП. СС. картину наукъ и постепеннаго ихъ приращенія въ знаменитыхъ эпохахъ; и чтобы она была сколько можно превосходнѣе, то, показавъ, какимъ образомъ науки восходили къ настоящему ихъ совершенству, разсмотримъ, какимъ образомъ ученые обращали ихъ къ существенной пользѣ. Дабы занять васъ, Слушатели! потребенъ истинно великой предметъ, который бы не имѣлъ нужды въ краснорѣчіи, но собственною важностію привлекъ бы на себя ваше вниманіе.

Часть первая.

Науки не вдругъ достигли своей зрѣлости. Онѣ, какъ и всѣ вещи на земли, имѣли свое начало, приращенія, эпохи слабости и силы. Богъ единъ былъ всегда то, что Онъ есть и что вѣчно будетъ. Все, что не Онъ, все, что относится къ человѣку и его окружаетъ, имѣетъ свои періоды явленія, затмѣнія и возвращенія, имѣетъ свои успѣхи, и причины ускоренія или медленности. Человѣкъ, многими пріобрѣтеніями достигши нѣкотораго степени совершенства, остается однакожъ далекъ отъ возможнаго совершенства, наипаче того, которое бы его погружало въ естество Верьховнаго Существа, естьли только можетъ что либо наше въ ономъ теряться.

Начнемъ съ того времени, когда науки приносили уже обществамъ пользу, когда Исторія не состояла болѣе въ нелѣпыхъ повѣстяхъ, въ которыхъ, какъ въ басняхъ, чудесное всегда занимало мѣсто истиннаго; пробѣжимъ любопытную цѣпь временъ, которымъ мы обязаны способами познавать, исчислять и предсказывать перемѣны и фазы сферъ, обращающихся въ небесномъ пространствѣ, измѣрять ихъ массы, разстоянія и силы ихъ движущія; временъ, въ которыя неизмѣримость морей, ихъ пучины и бури уже не были преградами между землями; въ которыя, преодолѣвъ всѣ трудности, люди, съ помощію великихъ умовъ, начали обозрѣвать и измѣрять міры, вращающіеся надъ нами, и всѣ части земнаго шара; наконецъ когда они нашли неизмѣримую цѣпь существъ, населяющихъ пространный горизонтъ, которой око наше обемлетъ со всѣхъ сторонъ; когда, изумленной взоръ свой обращая отъ чуднаго къ чудному, отъ безконечнаго къ безконечному, протекли удивительную лѣствицу, которой одинъ конецъ теряется въ небесахъ, а другой простирается до самыхъ малыхъ существъ, кажущихся предѣлами существованія.

Что были науки, когда Солонъ и Пиѳагоръ искали познать таинства Египетскія? Одни только начала и простыя понятія; но безъ сомнѣнія великъ шагъ отъ ничтожества къ симъ началамъ, которымъ оно предшествовало, и послѣ еще долго со всѣхъ сторонъ окружало. Сей таинственный Лицей — покрытый завѣсою Религіи, имѣвшій свѣденія, которыя удивляли Законодателя Греціи, и знаменитѣйшаго изъ ея Философовъ, и распространили кругъ ихъ познаній — составлялъ славу Египта, первой земли населенной, которой просвѣщеніе въ Исторіи столько прославляется.

Сіи великіе мужи вводятъ въ свое отечество все, что въ Египтѣ было достопамятнаго: Исторію неба и его жителей, мудрые законы, начала правленія и нравственности, и ту науку, которая человѣку все покоряетъ, исчисленіе, равно измѣряющее все, что есть, и что не существуетъ, пространство, движеніе, разстояніе, время, продолженіе и всѣ ряды возможные и невозможные; безъ сомнѣнія также искусство письма, искусство невидимыя дѣйствія души изъяснять видимыми знаками; — и удивительныя изобрѣтенія, распространенныя по землѣ плодоносной, восходятъ вдругъ къ большему совершенству и полагаютъ основаніе вѣчной знаменитости Греціи.

Съ сей эпохи, въ краткое время все въ сей малой землѣ приходитъ въ движеніе; появляются великіе умы, нравственность, всѣ искусства и науки, вкусъ, вѣжливость, дарованія и слава. Сія страна, едва примѣтная на пространной поверхности земнаго шара, долго одна во всемъ мірѣ сохраняла, и въ потомствѣ сохраняетъ славу человѣчества. Вездѣ она покоряетъ народы и мнѣнія; гдѣ нѣтъ Греческаго просвѣщенія, то мѣсто именуется варварскимъ; могущество великаго Государя, политика Филиппова, щастіе Александрово и самой Римъ въ продолженіе многихъ вѣковъ тщетно истощаютъ силы свои: они не могутъ побѣдить Греціи; и когда наконецъ Римъ покоряетъ ее, то и тогда еще хранитъ почтеніе къ своимъ учителямъ, къ ихъ великому духу, дарованіямъ, къ памяти ея героевъ, мудрецовъ, законовъ, добродѣтелей, монументовъ, однимъ словомъ, истиннаго величества.

Духъ Римлянина оживляется духомъ покореннаго Грека; вѣжливость побѣжденнаго истребляетъ его грубость, произходящую отъ революцій и безпрестанной почти войны. Римъ также начинаетъ привлекать на себя вниманіе, и столица міра дѣлается вмѣстѣ столицею и наукъ. Стихотворцы, Ораторы, Политики, Философы, Художники распространяютъ свѣтъ, которой разливается по всему міру и оза-

озаряетъ потомство. Въ Римѣ умѣютъ хорошо разсуждать и хорошо говорить; тысячи занятыхъ изобрѣтенiй приводятся въ большее совершенство; наблюдательныя науки распространяются; и естьли Грецiя имѣетъ первенство въ наукахъ точныхъ, то Римъ равняется ей во всѣхъ тѣхъ, которыя требуютъ творческаго духа. Очищенной, звучной и мѣрной языкъ его, обработанной великими учителями, принимаетъ нѣкоторыя измѣненiя, получаетъ оттѣнки, и дѣлается столь легкимъ и столь величественнымъ, что никакая революцiя не можетъ его истребить, и самая ѣдкость времени оставляетъ его неповрежденнымъ; онъ становится общимъ языкомъ всего свѣта, и доставляетъ намъ произведенiя великихъ умовъ, коимъ мы еще и теперь удивляемся. Наконецъ Римъ падаетъ, но слава его учености пребываетъ. Внутреннiе пороки, неискусное правленiе, страшныя и кровопролитныя революцiи, мятежи, нашествiе варваровъ мало по малу подавляютъ искусства, заглушаютъ умы и утушаютъ до послѣдней искры огонь, оживлявшiй науки. Византiя принимаетъ на короткое время величество Рима, но не получаетъ его просвѣщенiя. Римъ, безпрестанно волнуемый бурями, никогда не наслаждаясь тишиною, гнѣтомый ненадежными скиптрами, управляемый не мудрыми Государями, которые, подобно волнамъ бурнаго моря, одинъ другаго свергаютъ и восходятъ на колеблющiйся престолъ; Римъ, страждущiй отъ тысячи вновь раждающихся предразсудковъ, безъ силы, безъ движенiя, мучимый конвульсiями продолжительнаго и болѣзненнаго изнеможенiя; Римъ наконецъ повергается въ бездну ничтожества, совершеннаго забвенiя и неизвѣстности; — и свѣтъ протекшихъ прекрасныхъ дней его не можетъ проникнуть сквозь густыя облака, нанесенныя бурями.

Ахъ! я не въ силахъ начертать вамъ ПП. СС. ужасной картины мрака, покрывшаго мiръ послѣ трехъ блистательныхъ эпохъ. Науки, подавляемыя фанатизмомъ, невѣжествомъ, безначальствомъ и грубостiю нравовъ, издаютъ изрѣдка тусклый блескъ умирающаго свѣта, которой кажется исчезъ на вѣки. Общiй духъ, естьли можно такъ назвать грубыя привычки временъ невѣжества, принимаетъ свойства жестокости, и до сихъ поръ еще приводитъ насъ въ содроганiе. Поверхность земнаго шара, раздѣленная и раздробленная на тысячу частей, не имѣющихъ между собою никакой взаимной связи, населяется тираннами и рабами, извергами и нещастными; безпрестанныя сраженiя, одно отъ другаго происходящiя, рѣшатъ маловажныя выгоды на щетъ двацати

по-

поколѣнiй нещастныхъ и разоренныхъ. Сiе ужасное изреченiе: кто владѣетъ землями, тотъ долженъ вести войну, сдѣлалось аксiомою, опытною истинною, почти единственнымъ началомъ публичнаго права сихъ смутныхъ временъ; и все человѣчество, удручаемое общею разстроенностiю, страждетъ. Государи безъ власти, вассалы безъ подчиненности; неограниченные самодержцы частицы земли, которую занимаетъ ихъ замокъ, не имѣютъ другихъ законовъ, кромѣ своихъ прихотей, и приводятъ ихъ въ исполненiе огнемъ и оружiемъ. Торговля, промышленность, землепашество, наслажденiе, спокойствiе, безопасность, все истреблено, потеряно, уничтожено, даже и самое прискорбное чувство, заставляющее желать лучшихъ временъ.

Среди сего перiода ужасныхъ безпорядковъ, злодѣянiй и нелѣпостей, во время менѣе возмутительнаго движенiя, въ безмолвной мрачности монастырей приготовляется разумъ человѣческiй къ новому волненiю. Между тѣмъ какъ случай доставляетъ людямъ открытiе новаго средства умерщвлять другъ друга, онъ научаетъ ихъ также искусству печатать, разсѣевать мысли свои вдругъ по тысячи рукамъ. Нѣкоторые несовершенные инструменты споспѣшествуютъ человѣку въ изслѣдованiяхъ, которыя заставляетъ дѣлать его любопытство; посредствомъ компаса открываетъ онъ Америку, посредствомъ телескопа дѣлаетъ теорiю вселенной; исчисленiе приводится въ большее совершенство; новые Ариѳметики достигаютъ точнѣйшихъ анализовъ; отъ предѣловъ пространства, которые отдаленность представляетъ глазамъ нашимъ въ видѣ свода, до внутренности земли, куда наша промышленность насъ заводитъ, и до атомы, которой непонятныя тайны проницательность наша открываетъ и испытываетъ, природа вся передъ нами открыта, и представляетъ изслѣдованiямъ нашимъ безчисленныя и разнообразныя явленiя. Духъ человѣческой, безпокойной, возмутительной и безпрестанно движимой, получаетъ опять прежнюю свою силу, при правленiяхъ болѣе благоустроенныхъ, болѣе спокойныхъ, и болѣе соединенныхъ въ частяхъ и предметѣ; онъ облегчаетъ и расширяетъ искусства, доставляетъ наукамъ способы гораздо точнѣе, инструменты совершеннѣе; образуетъ нравы, представляетъ вселенной великолѣпное зрѣлище и несомнѣнную надежду непремѣннаго щастiя. Умы возвышаются, и отъ прiятности краснорѣчiя восходятъ къ вышшимъ наукамъ, и достигаютъ совершенства въ искусствахъ; и человѣкъ среди радостей, въ безпрестанномъ упоенiи

 сво-

своего удивленія, наконецъ восходитъ на такую степень просвѣщенія и достоинства, которой ни въ какой эпохѣ онъ не надѣялся достигнуть.

Науки соединяютъ ревностныя въ просвѣщеніи націи, народы дѣлаютъ братьями, и между тѣмъ какъ Владыки міра обагряютъ землю кровію и непримиримыми дѣлаются врагами: ученые, въ постоянномъ и непрерывномъ спокойствіи сообщаютъ другъ другу свои познанія, опыты, изобрѣтенія, открытія, и самыя сомнѣнія.

Италіянецъ пишетъ Поэмы; живопись, музыку и архитектуру приводитъ въ возможное совершенство. Единственной учитель въ сихъ искусствахъ, онъ протекаетъ весь міръ и всюду приноситъ удовольствія, которыхъ онъ изобрѣтатель.

Споспѣшествуемый обширною торговлею, Англичанинъ протекаетъ землю какъ Философъ и наблюдатель доходовъ; онъ возвращается съ новыми для наукъ памятниками, рѣдкостями; съ разными для сравненія предметами; съ произведеніями, находящимися на краю вселенныя, въ которыхъ природа, кажется, отказываетъ другимъ климатамъ. Съ одной половины сферы онъ переселяетъ въ другую; смѣшиваетъ различные роды; съ великими издержками получаетъ необыкновенныя произведенія; старается уловить и какъ бы находитъ тайну плодородительныхъ дѣйствій природы. Дѣятельной, постоянной и плодовитой разумъ его предписываетъ тѣламъ законы ихъ стремленія, свѣтъ раздѣляетъ призмою, назначаетъ уму человѣческому ходъ его и предѣлы, опыты очищаетъ отъ всѣхъ сомнѣній, изобрѣтаетъ многія и надежныя орудія и точнѣйшіе способы, посредствомъ тѣлъ, между собою несоразмѣрныхъ, восходитъ хотя до нѣкоторой степени измѣренія тѣлъ, чтобы по крайней мѣрѣ причислить ихъ къ величинамъ удобомножимымъ и измѣримымъ. Нѣтъ ни одной науки, на которую бы Англичанинъ не обратилъ наблюдательнаго своего взора и не споспѣшествовалъ бы къ большему ея приращенію.

Хладнокровный и трудолюбивый Германецъ, сей прилѣжный, терпѣливый и постоянный труженикъ въ наукахъ, съ упорствомъ изслѣдываетъ тайны Химіи и произведенія силъ; неутомимый разумъ его погружается съ бодростію, безъ всякой усталости и развлеченія, въ скучныя исчисленія, въ лабиринтъ повѣрокъ, во все, что только есть въ наукахъ отвлеченнаго, важнаго и труднаго.

Французъ. . . Государи мои! я говорю о тѣхъ временахъ, когда прочіе Европейскіе народы были только его соперниками . . . острой и пылкой Французъ, не столько трудолюбивый, сколько дѣятельный, столь же

же прилѣжный, но не столько въ трудахъ упорный, какъ прочіе народы, въ трудныхъ упражненіяхъ идетъ наряду съ своими поревнователями. Онъ имѣетъ особенный, изобрѣтательный духъ, и даетъ чужимъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ видъ привлекательнѣйшій, пользу обширнѣйшую, и совершенства болѣе общія. Грубый и нестройный языкъ его обработывается въ горнилѣ анализиса и пріобрѣтаетъ можетъ быть такое преимущество, которое замѣняетъ силу, обильность и смѣлость другихъ языковъ. Онъ столько же пріятенъ, какъ его нравы; великъ какъ его духъ; безконечно разнообразенъ въ цѣломъ, въ украшеніяхъ и въ оттѣнкахъ; свойственъ всѣмъ предметамъ и всѣмъ образамъ живописать; чрезъ него онъ дѣлается учителемъ народовъ его соперниковъ, сообщаетъ міру свой вкусъ, свои образы, свои произведенія всякаго роду, плоды своихъ дарованій и своего образованія; вѣжливость, добродѣтели, удовольствія, моды, и наконецъ образъ жизни.

Науки, распространенныя во всѣхъ частяхъ земнаго шара, озарили также и отдаленнѣйшія страны его; перенесенные плоды ихъ получаютъ вкусъ сообразный климату, въ которомъ они созрѣваютъ. Нѣкоторые мужи въ сѣверѣ не безъ успѣха спорятъ съ пылкими умами южными, и на своемъ языкѣ, которой никогда не выходилъ изъ предѣловъ своего отечества, написали нѣсколько твореній, которымъ безъ сомнѣнія весь свѣтъ отдастъ справедливость, естьли только они будутъ когда либо переведены, не теряя характеру, пріятности и силы.

Вотъ ПП. СС. картина того, какимъ образомъ духъ наукъ обтекалъ весь міръ, утѣшалъ попремѣнно всѣ климаты; подобно катящейся глыбѣ снѣгу, пріобрѣталъ постепенно бо́льшую массу и продолжительность, и накочецъ достигъ сей степени возвышенія и распространенія, которая показываетъ, сколько онъ нынѣ превосходитъ предъ прежними его эпохами, и которая приводитъ насъ въ безпокойное сомнѣніе, остается ли еще что пріобрѣтать въ наукахъ? Есть ли еще степень, которой бы должно намъ достигнуть въ нынѣшнемъ вѣкѣ? Или остается только наукамъ уменьшаться и приходить въ вѣчной упадокъ? Бояться ли намъ, чтобы страшная революція не погребла ихъ опять въ пеплѣ; или надѣяться, что и среди самаго потрясенія всего свѣта онѣ сохранятъ блескъ свой, и благотворнымъ лучамъ своимъ болѣе и болѣе будутъ придавать живую и проницательную силу, дѣйствіе обширное и общее, вліяніе нужное и щастливое?

Часть

Часть вторая.

Слѣдуя прежде начертанному плану въ представленіи картины, которая непосредственно слѣдуетъ изъ предъидущей, я скажу вамъ, Почтенные Слушатели, что былъ ученой во всѣхъ эпохахъ, о которыхъ мы упоминали; мы видѣли въ нихъ, что науки постепенно принимали новыя приращенія, и виды гораздо выгоднѣйшіе; сіи двѣ вещи, науки и ученой, изъ которыхъ одна есть предметъ, а другая дѣйствующее; кои по натурѣ, кажется, имѣютъ внутреннюю и необходимую связь, имѣли ли всегда точную между собою соразмѣрность? Разумъ человѣческой всегда ли имъ соотвѣтствовалъ, или наконецъ сдѣлался слишкомъ малымъ для принятія въ себя свѣта, которой озарялъ его, проникалъ во всѣ члены, и постепенно возрасталъ отъ періода до періода?

Во времена отдаленныя, когда науки были еще загадкою, которой значеніе было тайно; когда онѣ сообщаемы были очень не многимъ, и притомъ съ великою осторожностію и опасностію; когда истинны математическія, явленія небесныя и произведенія земли означались непонятными знаками, какой духъ оживлялъ ученыхъ жрецовъ Египетскихъ? *Корысть*, государи мои, *гордость и властолюбіе.*

Безъ сомнѣнія, все, чего крайняя нужда ни требовала, Египетскій жрецъ находилъ немедленно. Хранитель всего просвѣщенія, онъ вѣрно исчислялъ время, въ которое Нилъ долженъ разлиться, и бралъ предосторожности; онъ умѣлъ размѣрять землю, на которой воды разливали благодѣтельной свой илъ, но между тѣмъ изглаждали границы владѣній; онъ умѣлъ разсѣкать скалы, и изъ утробы земли извлекать удивительныя массы, кои употреблялъ онъ для построенія тѣхъ громадъ, которыя и нынѣ еще изумляютъ наше воображеніе; онъ умѣлъ ихъ обдѣлывать, поднимать, класть на основаніи, и укрѣплять по отвѣсу; но тайна его Механики вмѣстѣ съ нимъ погребена въ забвеніи, и никогда болѣе не была открыта; потому что люди, вмѣсто того, чтобъ пользоваться сею Механикою, едва касались ее съ суевѣрнымъ страхомъ, которой отнимаетъ у разума всю силу, и самую мысль, осмѣлиться что нибудь испытывать.

Любя огромное, они во всемъ преступали мѣру; ни въ чемъ у нихъ не было соразмѣрности, никакое искусство не достигло своей цѣли; не видно въ ихъ твореніяхъ никакого вкуса; и все, что могло подать поводъ внѣ отечества искать разные предметы для сравненія,

идеи и образцы мѣръ правильнѣйшихъ, было всегда съ упорствомъ отдаляемо посредствомъ набожныхъ предразсудковъ, по которымъ море называлось Тифономъ, симъ враждующимъ братомъ Озирисовымъ, первымъ изъ людей, котораго благодарность обоготворила, и которому учредила богослуженіе.

Что вы чувствуете, ПП. СС. видя, что два Греческіе мудреца, жестоко отвергнутые отъ тѣхъ ученыхъ собраній, которыя долго извѣстны были подъ именемъ таинствъ, употребляютъ довѣренность двухъ Государей, чтобы получить хотя нѣсколько лучей свѣта, которой они хотѣли перенести въ другую отдаленную страну; что, для достиженія своего намѣренія, они подвергаются столь постыднымъ, жестокимъ и мучительнымъ испытаніямъ, и претерпѣвши все, получаютъ весьма мало, и въ темныхъ выраженіяхъ, то, чтобы по справедливости должно было имъ сообщить ясно по крайней мѣрѣ за ихъ терпѣніе? Удивленіе знанію истребляетъ ли въ сердцахъ вашихъ то неудовольствіе и презрѣніе, которое внушаетъ ученой?

И такъ ПП. СС. въ первой странѣ просвѣщенной познанія хотя малыя, однакожъ драгоцѣнныя, покрыты непроницаемою тайною. Науки, которыя для души то же, что солнце для тѣлъ, и которыя, какъ оно, всѣмъ равно принадлежатъ, обладаемы были однимъ классомъ людей, и ограничиваемы ихъ предразсудками. Весь народъ Египетской, отъ Государя до послѣдняго подданнаго — народъ, которой Историки называютъ просвѣщеннымъ, погруженный въ самое грубое суевѣріе, обоготворяющій самыхъ гнусныхъ животныхъ, которыхъ онъ боится, или которыя употребляетъ для своихъ нуждъ, — цѣлые вѣки утопаетъ въ застарѣломъ невѣжествѣ, и безпрестанно пресмыкается подъ вѣроломнымъ руководствомъ своихъ учителей и гнусныхъ вождей; и самая власть престола, покоренная закону жрецовъ, колеблющаяся при малѣйшемъ насиліи, которое бы она употребила для своего отъ нихъ избавленія, получаетъ нѣкоторую твердость отъ нихъ же; она не можетъ издавать законовъ, не можетъ дѣлать ни добра ни зла, какъ токмо по прихотямъ жрецовъ. Два Философа, которые, чрезъ долгое терпѣніе и жертвованіе собою, допущены наконецъ были къ таинствамъ, конечно ужаснулись нравственнаго паденія первой Академіи при самомъ ея началѣ; они сообщили всѣмъ плоды своего путешествія, не исключая ни одного званія, ни одного человѣка. Науки наконецъ свободно могли распространяться, и естьли

онѣ

онѣ душамъ низкимъ были вредны, то въ цѣлости, душамъ щастливо устроеннымъ онѣ доставляли силу и здравіе.

Вамъ извѣстно ПП. СС. какимъ свѣтомъ науки озаряли сію малую страну. Слава ея учености напечатлѣна до сихъ поръ въ сердцахъ вашихъ, и еще раздается въ вашихъ училищахъ; въ ней было два рода ученыхъ: одни истинно ученые, слава и благотворители своего отечества, которые безъ всякаго тщеславія насадили и распространили энциклопедическое древо, и на каждой вѣтви умножили новыя познанія и легчайшие методы: – другой родъ, надутые высокомѣріемъ педанты, исполненные гордости, старавшіеся о распространеніи болѣе своей славы, нежели наукъ, и прилѣжавшіе къ блистательнымъ только и прибыльнымъ частямъ учености; ихъ называли Софистами. Сіи ложные Философы, бичи наукъ и ученыхъ, желавшіе быть преимущественнѣе всѣхъ, поднимались выше своей сферы, поселяли раздоръ въ Академіяхъ, преслѣдовали и старались изгнать изъ отечества всякое достоинство и добродѣтель, возшедшую на такую степень, до которой никогда они не могли достигнуть. Сіи люди, которые имѣли нѣкоторымъ образомъ дарованіе, или лучше сказать смѣлость говорить, которые умѣли пріятными и звучными фразами прикрывать существенную нелѣпость, которые гордились тѣмъ, что съ равнымъ успѣхомъ могли одно и тоже утверждать и опровергать, обольщали народъ безпрестаннымъ болтаньемъ и безстыдною смѣлостію въ рѣчахъ; но имъ не удалось испровергнуть непоколебимаго владычества разума и дарованій; они съ безчестіемъ пали подъ ихъ бременемъ, и навсегда истребили остракизмъ, оскверненный именемъ одного изъ ихъ послѣдователей.

Вы знаете, чѣмъ Греческой школѣ обязана Математика, Исторія, Нравственность, Поэзія, Краснорѣчіе, Архитектура и Живопись. Физика обязана ей одними только остроумными заблужденіями; конечно она бы обязана ей была и открытіями, естьли бы око человѣческое безъ помощи инструментовъ одно могло слѣдовать по невидимой нити природы въ ея тайныхъ соединеніяхъ и произведеніяхъ. Мы видимъ, что все, чего только разумъ человѣческой можетъ достигнуть, плодится и созрѣваетъ въ Греціи; никакой просвѣщенной вѣкъ, и нашъ даже не могъ изгладить изъ памяти потомства славы ея учености; что заставило бы насъ думать, что можетъ быть мы несовершенное только имѣемъ объ ней понятіе. Въ изящныхъ искусствахъ она произвела образцы, кромѣ которыхъ ничего не было прекра-

краснаго, потому что ничто столько не подходило къ натурѣ, и — что есть верхъ ея безсмертія, — ни безумныя и притворныя восклицанія Мелитовы, ни *облака* Аристофановы, ни приговоръ, осудившій Сократа къ принятію яда, ни фанатизмъ, который изгналъ Анаксагора съ его системою міровъ, и къ большему еще стыду, преслѣдовалъ прекрасную Аспазію, славную болѣе учеными своими достоинствами, нежели прелестями, и постоянною дружбою съ Периклом и Сократомъ, — ничто никогда не могло затмить ея славы.

Жалѣть ли намъ о томъ, что Италія не представляетъ намъ предметовъ, по которымъ бы мы могли судить, что посрамляло ея ученое общество? Конечно были, какъ и вездѣ, люди съ предразсудками, которые дѣлаютъ пятно своему вѣку, но они не имѣли вліянія ни на судьбу ни на духъ своего отечества; и безсмертныя сатиры Гораціевы и Ювеналовы уничтожили ихъ для потомства.

Слава Рима, можетъ быть не столько блистательная, но столько же заслуживающая почтеніе, какъ и слава Грековъ, ничѣмъ не затмѣвается; онъ не имѣетъ памятниковъ къ стыду его служащихъ. Но сколько степеней онъ нечувствительно съ верьху славы до ничтожества проходитъ! Науки въ Греціи пали вмѣстѣ съ государствомъ и съ нравами; въ Римѣ онѣ умираютъ мало по малу, гаснутъ тихо, подобно огню, которой не имѣетъ болѣе сгараемаго вещества, его питавшаго; и въ продолженіе стольких вѣковъ, послѣдовавшихъ за его благоденствіемъ, мы видимъ, что духъ изнемогаетъ по мѣрѣ, какъ исчезаютъ науки; въ сіи дни совершеннаго ничтожества, какой нибудь Пикъ де ла Мирандоль приходитъ въ училище, и надѣется имѣть славу при испытаніи получить вѣнецъ энциклопедическій, которой никакой вѣкъ, никакая страна не смѣли опредѣлить ни Өалесамъ, ни Платонамъ, ни Пиөагорамъ, ни Сократамъ.

Въ семъ длинномъ ряду мрачныхъ вѣковъ, послѣдовавшихъ за блистательною эпохою наукъ въ Римѣ, сколько представляется ученыхъ, которыхъ всѣ произведенія состоятъ въ пустыхъ и грубыхъ выпискахъ изъ чужихъ сочиненій, въ коихъ не находится ничего, что бы возвѣщало четвертое явленіе творческаго духа, въ коихъ чрезъ многіе вѣки не показывается ни одной искры сквозь густое облако пустыхъ силлогизмовъ, ребяческихъ тонкостей, праздныхъ и скучныхъ вопросовъ, которыми наполнялись школы, и которыя двадцать поколѣній называли науками. Прейдемъ, государи мои! прейдемъ какъ можно скорѣе, сіи мрачныя времена, въ которыя

ни

ни одно щастливое приключеніе не представляется, которое бы могло укрѣпить душу, изнемогающую при позорищѣ столь продолжительнаго варварства. Оставимъ людей, цѣлые двенадцать вѣковъ въ оцѣпененіи пребывавшихъ, подобно животнымъ повременно живущимъ, которыхъ жизненные соки при первыхъ впечатлѣніяхъ холода замерзаютъ, и которыя полгода бываютъ въ совершенномъ усыпленіи, подобномъ смерти; оставимъ человѣческой родъ пресмыкающійся въ нечистотахъ наукъ, сражающійся между собою на грубомъ языкѣ за категоріи и общія свойства, и немилосердо подавляющій міръ бременемъ своихъ многочисленныхъ и обширныхъ сочиненій.

Огнедышущая гора готова наконецъ разорваться: она очиститъ атмосферу отъ заразительныхъ частицъ. Благотворное дѣйствіе ея ощутительно; оно разливается съ юга до сѣвера и объемлетъ неизмѣримую цѣпь.

При нѣкоторыхъ мудрыхъ Папахъ, превосходящихъ свой вѣкъ, среди ужасовъ инквизицій и всеобщей огрубѣлости, Сервантъ въ Гишпаніи, въ Италіи Тассъ, Аріостъ и Петраркъ, можетъ быть слишкомъ почитаемый, не смотря на лавръ, которымъ онъ въ Римѣ увѣнчанъ былъ, возбуждали творческой духъ. Искусства, которыя ненависть не могла посрамить ересью: живопись, рѣзьба, архитектура процвѣтаютъ и даютъ великому духу понятія и образцы величества, стройности, вкуса.

Великій мужъ въ нѣдрахъ Франціи открываетъ свободный путь уму человѣческому. Одинъ изъ ея Государей прославляется своими ободреніями, и желаніемъ всякаго рода славы и владычества. Академіи и различныя ученыя общества, основанныя Г. Ришелье, и другія учрежденныя и приведенныя въ цвѣтущее состояніе щедротами Лудвига XIV; отличные ученые, разсѣянные по разнымъ странамъ, ободряемые его щедротами, наперерывъ высокими своими дарованіями согрѣваютъ сію землю, готовую развернуть сѣмена свои; языкъ, который очищается и почти устанавливается въ теченіе долгаго его царствованія, присвояетъ себѣ произведенія другихъ языковъ, извлекаетъ изъ нихъ искры, погребенныя въ землѣ безплодной, и даетъ имъ блескъ и видъ, какіе только они принять могутъ. Науки всѣ вмѣстѣ и равными стопами текутъ къ своему совершенству. Древнія системы при зарѣ ума и въ ясныхъ сочиненіяхъ принимаютъ прочную твердость и важной тонъ, которыя приготовляютъ свѣтъ къ открытіямъ полезнѣйшимъ, достовѣрнѣйшимъ и обширнѣйшимъ. Декартъ

въ

въ своихъ разсужденiяхъ сбрасываетъ съ себя педантское иго учительской важности. Аристотель, сей богъ училищъ, свергается имъ съ своего престола, но слава его тѣмъ ни мало не затмѣвается. Знанiе, вездѣ ободряемое благодѣянiями Монарховъ, мало по малу присвояетъ нѣкоторымъ странамъ произведенiя чужихъ умовъ; свобода мыслить всякому предоставляется; и самыя ея злоупотребленiя сраженiемъ между собою противныхъ мнѣнiй, стремятся къ тому, чтобы болѣе и болѣе просвѣтить умъ человѣческой, волнуемый вездѣ живыми и сильными движенiями. Атмосфера отъ того во всеобщемъ и повсемственномъ волненiи, которое и въ самое святилище наукъ вселяетъ раздоры, вмѣстѣ пагубные и щастливые. Новой законъ, преобразующiй древнiя установленiя, утверждается на основанiи вѣры, называющейся всеобщею. Духъ человѣческой долго сгнѣтаемый, въ жару раздоровъ принимаетъ опять природную свою упругость. Совѣсть борется съ властiю, гоненiе до того времени неслыханное приноситъ въ сѣверъ не высокомѣрiе и не существенной недостатокъ титуловъ преслѣдуемыхъ, но свѣтильникъ наукъ, тайны промышленности и часть того огня, который, казалось, концентрировалъ себя и исключительно имѣлъ фокусъ свой во Францiи. Сильное поревнованiе славы и вражда между народами производятъ во всемъ усилiя и обращаютъ все на пользу наукъ. Ученые перестаютъ уже быть скучными пустословами; издревле шествуя твердыми, точными и скорыми стопами силлогизма, они сами дѣлаютъ непреложное правило на всякую истинну, какую только они изслѣдываютъ. Исполнены будучи своихъ размышленiй, многихъ опытовъ и свѣденiй, они мало по малу обѣемлютъ постепенно продолженную цѣпь познанiй, прiобрѣтенныхъ и разсѣянныхъ повсюду. Къ правиламъ привязанный Риторъ составляетъ особый классъ, и не мѣшается съ Ораторомъ отважнымъ, обильнымъ болѣе вещами, нежели словами, коего сильное краснорѣчiе течетъ свободно и величественно, подобно рѣкѣ, которая никогда не выступаетъ изъ береговъ своихъ и никогда не изсушается. Даръ говорить не состоитъ болѣе въ симметрическомъ расположенiи звучныхъ и пустыхъ словъ; но въ томъ, чтобъ живо представить истинное, чтобы придать тому, что живописуемъ, тонъ, физiономiю и свойственной характеръ. Слово общее всѣмъ и нужное каждому достигаетъ наконецъ своего единственнаго и важнаго опредѣленiя, и науки приводитъ въ возможное совершенство.

Особенное явленїе представляется нашимъ наблюденїямъ: духъ непримиримаго соперничества, зависть талантамъ, зависть сама по себѣ жестокая, подлая и черная, заражаютъ ядомъ своимъ святилище наукъ; дѣлается строгая, язвительная и пустая критика на хорошїя и на худыя сочиненїя; нѣкоторой родъ разбойничества, происходящаго отъ корысти и пустой славы, возмущаетъ вмѣстѣ науки и ученыхъ, и утомляетъ человѣка, имѣющаго вкусъ, и старающагося только просвѣтиться. Ученые люди, столь миролюбивые, столь откровенные и столь благородные въ первыя времена ихъ славы, дѣлаются гонителями, не терпящими другъ друга, строгими и пристрастными критиками и безчеловѣчными врагами всякаго достоинства, которое нѣсколько помрачаетъ или совсѣмъ изглаждаетъ ихъ собственное. Ребяческїя ругательства прерываютъ удивленїе, которое лучшїя произведенїя возбуждаютъ; и сїи нелѣпости, которыя въ другїя эпохи можетъ быть преломили бы пружину великаго ума, сжимаютъ только ее, и соразмѣрно увеличиваютъ ея эластическую силу. Сїе состоянїе вещей, какъ оно ни разстроено, обращено однакожъ къ своему совершенству. Робкое или оскорбленное тщеславїе само употребляетъ критику; оно изглаждаетъ и исправляетъ недостатки; вкусъ очищается въ горнилѣ цензуры; и публика, по мѣрѣ какъ она научается, судитъ о творенїяхъ, которыя ее просвѣщаютъ; одобряетъ изящныя произведенїя творческаго духа, попускаетъ на одну минуту блистать, чтобы навсегда погаснуть симъ быстрымъ молнїямъ остроумїя, которое часто хочетъ съ нимъ равняться.

Безъ сомнѣнїя Г. М. область наукъ имѣетъ свои безпорядки, соблазны, и болѣе или менѣе имѣла ихъ всегда. Но за чѣмъ высокой умъ меньше успѣваетъ, меньше возвышается, меньше творитъ, меньше приводитъ въ совершенство въ спокойствїи своего удивленїя, нежели среди досадъ, возмущенїя и боязни, которыми критика безпрестанно преслѣдуетъ, удручаетъ и подстрекаетъ его?

Однакожъ до васъ, ПП. СС. науки дошли не въ подобныхъ смятенїяхъ, не изъ нѣдръ раздоровъ и вражды, ни въ сраженїи часто соблазнительныхъ мнѣнїй, ни среди набожныхъ возмущенїй, потрясенїй и ненависти. Кроткое излїянїе ихъ небесныхъ лучей, которые ударяли на страны южныя, достигло до васъ, и нечувствительно васъ приготовило къ великому дню, которой долженъ былъ послѣдовать за симъ благотворнымъ разсвѣтомъ. Онѣ не вдругъ распространились между вами, и не такъ какъ огнедышущая гора, которая, долго будучи сжи-

сжимаема, наконецъ разверзается съ трескомъ, раздирая внутренность земли и потрясая всѣ сосѣднія страны своего фокуса. Онѣ развивали между вами свои начала въ спокойствіи и тишинѣ страстей, соединяя и развертывая постепенно въ глазахъ вашихъ стихіи, опредѣленныя для произращенія въ васъ различныхъ сѣменъ, которыя Вѣчный самъ вложилъ, дабы они въ свое время приносили плоды посредствомъ размышленія и опытности.

Вы однимъ Монархамъ обязаны тѣмъ, что вы есть и что вы будете въ пути наукъ; вы обязаны имъ вкусомъ, которой къ нимъ васъ ведетъ; средствами, вашими успѣхами, учеными образцами, учителями и всѣми нравственными удовольствіями, которыя они доставляютъ. Многочисленное юношество, воспитываемое ихъ щедротою въ святилищѣ наукъ, приготовило цѣлой рядъ поколѣній просвѣщенныхъ и достойныхъ нѣкогда возвысить свое отечество на степень прочихъ просвѣщенныхъ государствъ.

Вы, Высокопочтенные Господа! добродѣтелямъ и мудрости которыхъ ПАВЕЛЪ поручилъ сію блистательную надежду нашего вѣка, сіе юношество, которое сдѣлаетъ судьбу временъ, въ которыхъ насъ уже не будетъ! Я не считаю за нужное хвалить ваши личныя качества и ваше мудрое и благодѣтельное управленіе; это ни вамъ, ни мѣсту, ни времени не прилично. Потомство, наслаждаясь плодами вашихъ трудовъ, будетъ благословлять ваши имена; общая признательность возвѣститъ въ немъ добрыя и полезныя дѣла ваши; это одно можетъ быть наградою вашихъ попеченій, ревности и заботъ мудрыхъ и неутомимыхъ; это одно можетъ освятить ваши дарованія и ваши добродѣтели.

